

ПЛАН МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ А. И. ОСТЕРМАНА НА АЛАНДСКОМ КОНГРЕССЕ 1718–1719 ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РГАДА)

К. Н. Станков

Институт российской истории Российской академии наук

Поступила в редакцию 30 января 2023 г.

Аннотация: анализируется неизвестный ранее архивный документ, обнаруженный в фонде № 96 («Сношения России со Швецией») Российского государственного архива древних актов. Он представляет собой пространное письмо секретаря русского посольства А. И. Остермана на Аландском конгрессе 1718–1719 гг. Петру I, в котором излагается план мирного урегулирования в Европе в случае окончания Северной войны.
Ключевые слова: Аландский конгресс, Северная война, А. И. Остерман, русско-шведские отношения.

Abstract: the author of the article has analyzed the document from the collection «The Russian-Sweden relations» of the Russian state archive of the ancient acts that is unexplored in the historiography. This document is the letter of the secretary of the Russian diplomatic mission in the Aland congress 1718–1719 A. I. Osterman to the Russian tsar Peter I. The document contains the plan of the peace settlement after the end of the Great Northern war.

Key words: Aland congress, Great Northern War, A. I. Osterman, Russian-Sweden relations.

По истории русско-шведских переговоров на Аландском конгрессе 1718–1719 гг. существует несколько фундаментальных работ отечественных историков. Из них необходимо отметить прежде всего монографию С. А. Фейгиной, статью Л. А. Никифорова и биографический очерк «Граф Остерман» Н. И. Павленко [1–3]. Однако сам ход мирного конгресса, а также менявшаяся международная обстановка были столь сложны, что учесть все нюансы в рамках этих пусть и очень фундированных работ не представляется возможным, в связи с чем открывается некоторый простор для поиска новых проблем, связанных с деятельностью российской дипломатии в 1718 г. В фонде № 96 («Сношения со Швецией») Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА) в деле № 6 обнаружено пространное письмо секретаря русского посольства А. И. Остермана Петру I, в котором излагается план мирного урегулирования в Европе в случае окончания Северной войны, до настоящего времени не известный в научной литературе.

Выработке данного проекта предшествовали длительные переговоры между русской и шведской сторонами. Территориальные вопросы, которым главным образом посвящен план Остермана, оговаривались на одной из первых встреч дипломатов двух стран на Аландских островах, состоявшейся 13 мая 1718 г. Обе стороны выставили максимальные усло-

вия. Шведские дипломаты, среди которых первую скрипку играл главный министр Карла XII барон Георг Генрих фон Гёрц, заявили, что их «король желает, чтоб все то, что у него взято, ему возвращено было» [4, л. 123]. Таким образом, речь шла о возвращении положения, существовавшего до Северной войны. В ответ «русские министры на то сказали, а его царское величество желает все то, что он ни завоевал, за собою удержать» [там же].

Однако Гёрц продолжал настаивать на своем, заявив главе русской делегации Якову Вилимовичу Брюсу и секретарю миссии Андрею Ивановичу Остерману, что мира между двумя странами не будет, пока Карл XII не получит назад Эстляндию и Лифляндию. Шведская делегация была готова «трактовать» о любых территориях, но о сохранении этих двух областей за Россией не могло быть даже упоминания на переговорах [там же].

Со своей стороны российские представители заявили, что мир возможен только на условиях сохранения этих прибалтийских территорий за царем. Свою позицию они аргументировали тем, что сосуществование двух стран возможно лишь в случае полной безопасности обеих. Поэтому Брюс и Остерман добивались, чтобы «в середине земли его царского величества какое шведское владение не осталось» [там же, л. 123 об.]. Затем акцент в переговорах сместился с общих вопросов к более конкретным требованиям. Гёрц заявил, что передача Швеции одной Финляндии без Ревеля угрожает стратегической безопасности его страны, так как, обладая Реве-

лем, русский царь сможет атаковать финские земли посредством высадки десанта, перебросив его через Финский залив [там же]. Брюс и Остерман возражали: в случае сохранения Ревеля за Карлом XII скорее России стоит опасаться шведского вторжения, чем наоборот [там же]. Шведы ответили, что прибалтийские земли так разорены войной, что «онные в 50 лет поправитца не могут», поэтому царю можно не опасаться нападения с этой стороны [там же, л. 124]. Русские уполномоченные отметили, что в таком случае шведской короне будет одна польза от перехода Лифляндии и Эстляндии к России, так как Карлу XII не придется тратить средства на их хозяйственное развитие [там же].

Гёрц сменил тактику, попытавшись перенести акцент в споре в несколько иную плоскость. В частности, он заявил об экономическом значении Лифляндии и Эстляндии. Главный министр Карла XII подчеркнул, что если Ревель, Рига и другие прибалтийские порты перейдут во владение русского царя, то Швеция будет экономически вытеснена из Балтики и вся торговля в этом регионе станет монополией России. На это Брюс и Остерман ответили, что у Петра I нет таких планов и он заботится только о безопасности своей страны [там же, л. 124–124 об.].

Затем русские дипломаты сами перешли в наступление и заявили, что царь понес огромные убытки от войны со Швецией. Кроме того, Карл XII «еще в прибавку и турков на него навел, отчего его царское величество принужден был, дабы сию турецкую войну прекратить, такие знатные места яко Азов и Таганрог (отдать. – К. С.), которые его величеству во многие миллионы стали, и что весьма справедливо есть», чтобы «от короля шведского, от которого ему сей убыток причинен, награжден был» [там же, л. 124 об.].

На это Гёрц заметил, что русские всегда могут отвоевать Азов, но тут же пошел на некоторые уступки, отметив, что хотя Лифляндию Карл XII намерен сохранить в своих владениях, шведы готовы передать России Ревель [там же, л. 125]. Но Брюс и Остерман твердо стояли на том, что без включения Лифляндии в состав России прочного мира быть не может. На этом обе стороны 13 мая расстались, выразив обоюдную надежду на большую уступчивость обеих сторон в дальнейших переговорах [там же].

Следующая встреча дипломатов состоялась 20 мая 1718 г. Гёрц предложил заключить наступательный военный союз России и Швеции против Великобритании [там же, л. 177–177 об.]. Брюс и Остерман разгадали замысел Стокгольма: Карлу XII нужен мир с Петром I лишь для того, чтобы последний «тогда им против агличан взпоможение» устроил [там же, л. 184–184 об., 188 об.–189]. Поэтому русские

уполномоченные отказались даже обсуждать этот план [там же].

Убедившись, что Россия не намерена вступать в столь авантюрное предприятие, Гёрц вновь обратился к территориальным вопросам. Краеугольным камнем переговоров стал вопрос о Ревеле. От себя Гёрц предложил признать за Россией этот город на достаточно неопределенном (смутном) основании, что Петр I поможет Швеции поддерживать «баланс в Европе» [там же, л. 255 об.–266]. Под давлением Остермана и Брюса Гёрц даже отправился за подтверждением этого предложения к Карлу XII в Стокгольм, однако тот заявил, что готов пойти на уступку Ревеля лишь при условии получения «эквивалента» в других частях бывших шведских владений, ныне захваченных Россией [там же, л. 263, 392 об.]. Позднее шведская сторона конкретизировала свои требования, заявив о необходимости передачи ей Выборга. Дополнительным неперенным условием шведский король выставил признание Петербургом Станислава Лещинского польским монархом и прекращение русской поддержки Августу II Сильному [там же, л. 394]. Брюс и Остерман ответили на требования Стокгольма категорическим отказом, так как Выборг был необходим России для защиты Санкт-Петербурга с севера [там же, л. 394 об.]. Что касается кандидатов на польский престол, то Петр I решительно проводил политику поддержки своих союзников и не был готов предавать Августа II, несмотря на все его интриги (саксонского курфюрста) против России.

Гёрц не ограничился требованием этих уступок и продолжал давление на русских уполномоченных, добиваясь проведения русско-шведской границы в Финляндии в тех рамках, которые были до Великой Северной войны: границы будут, «которые в древних временах между обоими государствами были, а имянно у Систербека» [там же, л. 417].

На встрече дипломатов 15 июля 1718 г. Гёрц вновь поднял вопрос о реставрации в Польше власти Станислава Лещинского, но в личной беседе с Остерманом заметил, что он пытался отговорить Карла XII от поддержки своего ставленника в Польше, однако шведский король отказался снять это требование [там же, л. 417–418 об.]. Тогда же Гёрц предложил России поддержать Стокгольм в войне с Данией. Позднее в плане Остермана пункт о вторжении России совместно со Швецией на территорию бывшего партнера по Северному союзу займет важное место. Но на тот момент Остерман, зная о непреклонном стремлении Петра I поддерживать союзников, ответил отказом. Наконец, тогда же был впервые поднят вопрос о передаче Швеции Штеттина. Однако длительные переговоры по этому вопросу, как следует из донесений Остермана, ни к чему не привели [там же, л. 418 об.].

Непосредственным результатом вышеописанных переговоров стал проект мирного урегулирования, составленный Остерманом и направленный Петру I 15 июля 1718 г. Этот документ касался не только непосредственно русско-шведских отношений, но всего послевоенного устройства в Западной, Северной и Центральной Европе. Основой проекта должен был стать русско-шведский союз, к которому предполагалось привлечь другие страны, в связи с чем Остерман советовал царю пойти на некоторые уступки Карлу XII, чтобы заинтересовать его в создании указанного альянса. Этим данный проект существенно отличался от инструкций, данных Петром I Я. В. Брюсу и А. И. Остерману в начале работы Аландского конгресса.

Первое предложение Остермана касалось установления новых границ России в связи с территориальными завоеваниями в Северной войне. План Остермана лишь намечал общие контуры будущего русско-шведского договора, не вдаваясь в детали пограничного размежевания двух воюющих государств. Прежде всего, было необходимо решить вопрос о Финляндии. Ее границы «на суше так должны быть определены, чтоб Швеция могла не опасаться России» [там же, л. 420].

Второй пункт касался судьбы северогерманских княжеств Бремена и Вердена. В случае если Лондон поддержит мирное урегулирование между Россией и Швецией, предполагалось исполнить давнее желание британского монарха Георга I и передать ему эти спорные территории. По всей видимости, Остерман с помощью этого шага стремился нейтрализовать Великобританию, купив ее поддержку значительными территориальными уступками, к которым стремились как британские, так и ганноверские политики. Если же Лондон будет продолжать свой курс на стравливание Стокгольма и Петербурга, Остерман советовал всячески сопротивляться этой территориальной уступке. В таком случае Бремен и Верден должны были остаться в Священной Римской империи [там же].

Третье предложение Остермана касалось Пруссии. Он надеялся добиться благосклонности прусского монарха передачей в его владения г. Штеттина с округой. Если Стокгольм откажется передавать этот город, то Пруссию следует удовлетворить Эльбингом. Остерман подчеркивал необходимость исключить вмешательство Великобритании в это территориальное размежевание: «И Англия также из игры отличена» [там же, л. 421].

По мнению Остермана, одним из самых сложных в отношениях Швеции и России являлся польский вопрос. Русский дипломат считал, что в Речи Посполитой необходимо сохранить власть Августа II [там же, л. 421–421 об.]. Этот пункт в плане Остермана

был одним из наименее выполнимых. Еще ранее в беседе с Гёрцем Остерман ставил этот вопрос. Однако Гёрц сообщил, что Карл XII всячески настаивает на кандидатуре Станислава Лещинского [там же, л. 417 об.–418 об.]. Кроме того, Остерман предлагал Петру I добиться от великих держав гарантии наследственного владения польскими землями саксонским курфюрстом [там же, л. 421–421 об.].

Важной задачей русской дипломатии, по мнению Остермана, было недопущение передачи Великобритании Померании. Последнюю он предложил уступить Швеции. Герцог Мекленбургский, лишившись таким образом своих личных владений, должен был получить за них «эквивалент», причем Остерман не уточнял – в Священной Римской империи или в ином месте. Население Мекленбурга подлежало переселению на новую территорию, полученную в качестве компенсации герцогом [там же, л. 422]. Таким образом, русский дипломат надеялся вбить клин между Лондоном и Стокгольмом. Кроме того, Остерман настаивал как можно скорее начать переговоры с Пруссией [там же 4, л. 422 об.]. В конечном счете Остерман стремился пресечь происки британских политиков в Северной Европе и в Северной Германии.

На этом в плане Остермана кончались советы царю относительно территориального размежевания сторон, и он переходил к более общим дипломатическим вопросам. В частности, Остерман рекомендовал не заключать мир со Швецией, пока не будут обговорены все его условия и пока не будут реализованы все территориальные уступки [там же].

Далее русский дипломат в общих чертах обрисовывал последующие совместные шаги России и Швеции после заключения между ними военного союза. Прежде всего, он предлагал направить в Польшу 80-тысячную русскую армию для поддержки Августа II. Русский дипломат прекрасно понимал, что последний крайне не популярен в Речи Посполитой и может удержаться только на русских штыках [там же, л. 423]. Остерман особо подчеркивал, что царские войска в Польше «никаких неприятельств чинить не велит. Но токмо пропитание войск из оной требовать будет» [там же, л. 423 об.]. Кроме того, Августу II, по мнению русского дипломата, следовало ввести в Речь Посполитую еще и саксонскую армию [там же].

Вторую русскую армию «числом не менее 40 тысяч» следовало направить в Мекленбург для поддержки герцога Карла Леопольда, так как «состояние его весьма худое, и опасно будет как скоро его царское величество свое защищение от него отиметь» [там же, л. 422 об.]. В этом случае Остерман намекал на герцога Мекленбургского, который настроил против себя сначала дворянство, а затем и все население своих владений. Одновременно в Мекленбург с вой-

сками (от 20 тыс.) следовало войти Карлу XII. Он должен был оплачивать жалование своих солдат и офицеров из шведской казны, но получал право бесплатно снабжать их фуражом и продовольствием на занятой им территории [там же, л. 423].

Кроме того, Остерман собирался добиться мира между шведской и российской коронами за счет Дании. Он полагал, что ее надобно наказать за то, что вопреки условиям Северного союза она всячески уклонялась от прямой военной помощи против Карла XII, опасаясь повторения поражения от шведских войск в 1700 г. Шведский монарх мог бы атаковать ее двумя армиями: одной, проведя через Голштинию с юга, а другую направить в Норвегию, «дабы Данию с обеих сторон атаковать. И толь скорее сие дело кончать» [там же, л. 423–423 об.]. Представляется, что Петр I, настроенный на неукоснительное выполнение Россией своего союзнического долга в отношении Дании и Польши независимо от их поведения, никогда не согласился бы с этим пунктом плана Остермана.

После решения всех территориальных вопросов русский дипломат предлагал расширить русско-шведский союз за счет привлечения других европейских стран. В частности, он писал Петру I: «И когда таким образом мир в севере везде возстановлен будет, тогда мочно смотреть, как бы другие державы в ту же систему привести, дабы оное толь вяще укрепить» [там же, л. 424]. Основу данного альянса, по мысли Остермана, должна была составить военная мощь Швеции и России, которые, по его словам, могли в совокупности выставить одну только сухопутную армию в более чем 200 тыс. человек [там же]. В данном случае он преувеличивал реальные возможности, по крайней мере, Швеции, которая к 1718 г. не располагала столь мощными людскими, финансовыми и материальными ресурсами, чтобы выставить такую многочисленную армию. Карлом XII были мобилизованы поголовно все государственные и отчасти частновладельческие крестьяне, составлявшие основное население страны, и новых солдат уже неоткуда было взять.

Из сохранившихся источников неизвестна ни реакция на проект Остермана шведской стороны, ни то, как этот документ был воспринят Петром I. В этой связи интересно сопоставить его с составленным в то же время Гёрцем проектом мирного урегулирования между Швецией и Россией. Его обнаружила все в том же фонде № 96 РГАДА С. А. Фейгина. Она же доказала, что с этим проектом был знаком Остерман [1, с. 263]. По всей видимости, русский дипломат использовал его при составлении собственного плана. Некоторые пункты совпадают почти дословно. Так, Гёрц полагал необходимым, прежде всего, договориться о границах Финляндии, чтобы Швеция «с земской стороны ничего так легхо опасатца не имела»

[там же]. Далее предлагалось как можно скорее осуществить союз между Россией и Швецией, чтобы ведущие европейские державы не успели этому противодействовать. Если Лондон начнет чинить тому препятствия, то обеим договаривающимся сторонам следовало сопротивляться этому. Крайне необходимым Гёрц считал привлечение к шведско-русскому альянсу Пруссии. Привлечь последнюю он надеялся путем передачи ей в качестве компенсации Штеттина, за что Швеция получила бы Эльбинг. Однако в этом проекте сохранялось требование Карла XII восстановить на польском престоле Станислава Лещинского. Было в этом проекте и другое совершенно неприемлемое для Петра I требование – дать Швеции компенсацию за счет Дании. В итоге в Германии за Карлом XII оставалась только Померания, что, по мнению Гёрца, было совершенно необходимо для государственной безопасности Швеции. Герцог Мекленбургский должен был за эквивалент передать Стокгольму свое герцогство, что он, по мнению автора проекта, будет вынужден сделать, так как без иностранной защиты не может удержаться на престоле из-за своей вражды с местным дворянством.

Таким образом, эти два проекта в чем-то были достаточно близки, что открывало возможность для дальнейших переговоров. Однако из них же вытекало два совершенно неприемлемых для дипломатии Петра I следствия: реставрация на польском престоле С. Лещинского и вступление России в войну против Дании. Кроме того, Гёрц преувеличивал неизбежность отказа русского царя от поддержки герцога Мекленбургского, исходя из того, что союз со Швецией заменит для Петербурга все остальные союзные отношения и международные связи [4, л. 263–265].

В целом, план Остермана предусматривал стягивание России в новую войну в Северной Европе и поддержку фактически разбитой ею же Швеции исключительно ради подтверждения того, что было уже завоевано и не могло быть отобрано ни одной европейской державой того времени.

Окончательно рассматриваемый мирный проект Остермана на Аландском конгрессе похоронила изменившаяся международная ситуация в Европе. 21 июля благодаря успеху оружия имперского полководца принца Евгения Савойского на Балканах, Вене удалось заключить выгодный Пожаревацкий договор с Турцией. Таким образом, у Священной Римской империи также оказались развязаны руки, чтобы вмешаться в балтийский вопрос. 11 августа 1718 г. британская флотилия разбила испанский флот у мыса Пассаро в Сицилии. Поражение Мадрида в войне стало очевидным. Добившись столь крупного успеха в Средиземном море, Лондон теперь мог активнее действовать на севере. Реальным воплощением всех этих перестановок на международной арене стал

«четверной союз», в который вошли Великобритания, Франция, Нидерланды и Австрия [там же, л. 266–267].

Наконец, из сопоставления этих двух дипломатических комбинаций можно сделать общий вывод о том, что, хотя и Швецией, и Россией во время работы Аландского конгресса был пройден определенный путь навстречу друг другу и продемонстрирована некоторая способность пойти на взаимные уступки, полное урегулирование отношений еще не было достигнуто, а потому Северная война еще не могла быть завершена. Уже на этом этапе переговоров Петр I пришел к выводу, что Швеция не готова решить клубок противоречий с Россией мирным путем и необходимо продолжать военное давление [3, л. 27]. Потребовалось еще три года интенсивных боевых действий, чтобы Швеция пришла к выводу о неизбежности утраты ею всех завоеванных петровскими

войсками территорий, и стало возможным примирение с Россией, что выразилось в Ништадтском мирном договоре, подписанном обеими сторонами 30 августа 1721 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фейгина С. А. Аландский конгресс : внешняя политика России в конце Северной войны / С. А. Фейгина. – М., 1959.
2. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения в 1718–1719 гг. и Аландский конгресс / Л. А. Никифоров // Исторические записки. – 1949. – Т. 30.
3. Павленко Н. И. Граф Остерман / Н. И. Павленко. – М., 2018.
4. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 96. – Оп. 4. Дела Аландского конгресса. – Д. 6.

Институт российской истории Российской академии наук

Станков К. Н., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории России XVI–XVIII в.

E-mail: stankov11@yandex.ru

Institute of the Russian History of the Russian Academia of the Sciences

Stankov K. N., Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow of the Center of the History of Russia of XVI–XVIII c.

E-mail: stankov11@yandex.ru